

Стоило Шэн Лююй уйти, как господин Сюй, рассудив, что все уже успели познакомиться, раздал ключи от комнат. Сказав на прощание несколько напутственных слов о важности прилежания в учебе и сосредоточенности на пути самосовершенствования, он отпустил учеников обустраиваться и отдыхать — завтра их ждал важный день.

Академия Лулинь не жаловалась на скудность казны, однако роскоши здесь не терпели, насаждая среди учеников дух суровой аскезы. Посему отдельные покои никому не полагались — воспитанников расселили по двое в длинных флигелях. Каждое такое жилище делилось перегородками на три части: общую переднюю для приема гостей и две отдельные спальни по бокам.

Что ж, неплохо. По крайней мере, не общие нары.

Сэ Чанмину достался Двор Ясной Луны, приютившийся в тихом, уединенном уголке на склоне Пика Зеленого Пришествия. Перемещающий массив доставлял лишь к подножию, так что на подъем пришлось потратить немало сил. Миновав бамбуковую рощу, Чанмин вышел на пологий уступ, откуда издалека виднелась хаотичная россыпь черепичных крыш. Сверившись с картой, он без труда отыскал нужные ворота.

За порогом его встретил небольшой дворик, где росло несколько старых сливовых деревьев. Зима еще не наступила, цветов на ветвях не было, и сливы просто густо зеленели в сумерках.

Войдя в дом, Чанмин обнаружил в передней незнакомца. Тот сидел на стуле в белоснежном одеянии с нефритовым венцом на голове и приветливо улыбался, явно дожидаясь соседа. Однако, разглядев вошедшего, юноша мгновенно опустил глаза.

Попытавшись напустить на себя непринужденный вид, он выдавил:

— Приветствую, собрат по пути. Я Чэнь Ибай.

Сэ Чанмин пристально оглядел соседа. Лицо показалось знакомым — он узнал его почти мгновенно. Они уже встречались три года назад в Школе Десяти Тысяч Дхарм.

Тогда Чанмин притворился бездарным сиротой, и его вместе с дюжиной других детей отобрали как живой материал для выплавления человеческих пилюль. А стеречь предназначенных на убой бедолаг приставили как раз Чэнь Ибая.

Разумеется, о жутких тайнах Школы Десяти Тысяч Дхарм знали далеко не все ее адепты. В грязном промысле были замешаны глава и старейшины, а среди рядовых учеников к делу допускали лишь многолетних доверенных слуг либо тех, кто состоял в близком родстве со старейшинами. Сторожить же пленников — работа неблагодарная и тяжелая, и на нее никогда не отправляли любимчиков. Чэнь Ибай в те времена был всего лишь зеленым послушником, только переступившим порог ордена.

К тому же тогда Чанмин лишь недавно пришел в себя после долгого беспамятства. Выглядел он совершенно иначе, изнуренным и блеклым, да и за три года успел повзрослеть и раздаться в плечах. Вряд ли Ибай мог узнать его с первого взгляда.

Не желая привлекать к себе лишнего внимания, Чанмин обменялся с сожителем парой дежурных фраз. Чэнь Ибай ответил столь же вежливой банальностью, однако улыбался на редкость приторно и заверил, что искренне рад такому соседству и надеется на дружбу в ближайшие годы.

Под конец он вдруг театрально спохватился:

— Ах да, собрат Сэ, у меня ведь еще вещи не разобранные лежат! Поболтаем завтра!

И, не дожидаясь ответа, поспешно ретировался в левую спальню.

Чанмин молча проводил его взглядом. Собственных пожитков у него было с гулькин нос, так что на обустройство ушло от силы четверть часа, после чего он решил отправиться на ужин.

Трапезная располагалась у самого подножия Лазурно-зеленого пика. Даже для заклинателей с их легким шагом дорога туда и обратно занимала добрый час. Получалась нелепая картина: едва вернувшись после ужина, ты снова чувствовал голод.

Обитатели горных склонов долго роптали и требовали установить телепортационный массив. Руководство академии милостиво снизошло до жалоб и выдвинуло два встречных предложения.

Первое: налегайте на еду посильнее, тогда и на обратном пути брюхо не опустеет.

Второе: обустроить массив, но все расходы на его содержание и закупку духовных камней возложить на самих просителей. Мол, на кухне продуктов не пожалеют, а вот тратить драгоценное сырье на капризы учеников академия не станет ни за какие коврижки.

Половину местных воспитанников составляли нищие бродячие практики. Те же, что принадлежали к известным кланам, хоть и казались на их фоне богачами, лишними средствами не располагали — если только за их спинами не стояли влиятельные отцы, деды и прадеды, готовые оплачивать любую прихоть.

В итоге ученики единогласно решили просто плотнее набивать желудки.

К приходу Чанмина в трапезной яблоку негде было упасть. Едва заметив его у дверей, сокурсники облепили его со всех сторон. Только и слышно было: «Птица Чанмин» да «Шэн Лююй». Похоже, весть о его стычке с изнеженным чахликом уже разнеслась по всему Пикку Зеленого Пришествия, если не по всей академии.

— Ну ты и дал маху в первый же день! — покачал головой один из парней. — Мало того что наши на ушах стоят, так еще и старшие курсы прознали. Все только о тебе и спрашивают.

— Эти пижоны из именитых сект из кожи вон лезут, чтобы подлизаться к Божественной птице, — подхватил другой. — А ты ему дорогу перешел. Если молодой господин Шэн шепнет кому надо хоть слово, тебе же житья здесь не дадут!

— Да плевать на них! — со злорадным благородством выкрикнул третий. — Корчат из себя великих праведников, а сами готовы хвост заносить этой птице. Мы, вольные практики, должны держаться вместе. Мы на твоей стороне, брат!

Сэ Чанмин оставался невозмутим среди этого гама. Спокойно доев ужин, он аккуратно отложил палочки и неторопливо произнес:

— Не стоит беспокоиться, друзья.

Ему хотелось добавить, чтобы они поумерили свое любопытство. С таким нелюдимым и высокомерным нравом этот чахлик явно преуспел в Безмолвном дзене и вряд ли станет опускаться до сплетен с посторонними. Да и его высокородные почитатели тоже. Птица Чанмин явилась сюда лишь ради приличия, для поддержания престижа академии, так что пересекаться они будут нечасто. Впрочем, Чанмин благоразумно придержал эти мысли при себе.

Вежливо отклонив предложение сокурсников собраться вечерком и обсудить план противостояния, Чанмин направился было в Академию Хранения Книг, как вдруг висевший на его поясе нефритовый жетон ощутимо нагрелся.

Пришло послание от господина Сюя.

Направив в нефрит каплю духовной силы, Чанмин прочитал проступившие на поверхности строки:

«Тут твой сосед Чэнь Ибай жалуется, что вы не сошлись характерами. Требуется немедленно его отселить, да подальше от Пика Зеленого Пришествия. Насколько я знаю, вы и пары часов вместе не провели, так что до смертельной вражды дойти не должно. Люди говорят, крыша над вашими головами еще цела, а значит, ужиться можно. Сходи-ка потолкуй с ним по-хорошему. Если возникли разногласия — уступите друг другу».

Чанмин мысленно хмыкнул. Силы у этого Чэнь Ибая — кот наплакал, зато в искусстве мгновенно менять маски он преуспел невероятно.

Спустя мгновение жетон мигнул вновь — господин Сюй явно вспомнил важную деталь:

«К слову, свободных комнат сейчас нет, учеников набилось под завязку, так что его капризы выполнять некому. Если парень упрется рогом, можешь поколотить его, пока не поумнеет. Главное — стены не круши. За погром придется платить духовными камнями, а отвечать перед руководством за вас придется мне».

Твердо вознамерившись сохранить казенное имущество в целости, Чанмин двинулся обратно к Двору Ясной Луны.

Едва он распахнул дверь, как застал Чэнь Ибая, который метался по передней из угла в угол, точно ошпаренный. На красном дереве стульев уже виселись наспех собранные узлы. Завидев соседа, Ибай побелел как полотно и выкрикнул:

— Т-ты?! Как ты здесь оказался?!

Чанмин не удостоил его ответом. Он молча протянул вперед жетон, на котором все еще светилось напутствие господина Сюя.

Быстро пробежав глазами строчки, Ибай взвился от ярости:

— Да как вы с господином Сюем смеее так меня унижать?! Я, между прочим, без малого десять лет иду по Пути Дао!

Как выяснилось, самому Ибаю учитель прислал предельно вежливое: «Подожди немного, я поищу свободный угол». Написал бы господин Сюй ему то же самое, что и Чанмину — мол, поколоти наглеца, пока тот не уступит, — парень не обиделся бы так сильно. А так его выставили полным ничтожеством.

Чанмин скользнул мимолетным взглядом по бумажному окну, затем спокойно достал свою саблю, которую редко носил напоказ, и глухо опустил ее на деревянный стол.

— Собрат Чэнь, — неторопливо улыбнулся он. — Если у тебя есть какие-то претензии, давай обсудим их с глазу на глаз. Зачем утруждать господина Сюя по пустякам?

Оружие Чанмина представляло собой массивный, изогнутый клинок длиной в половину человеческого роста, покоящийся в грубых деревянных ножнах. С виду сабля казалась громоздкой и тупой — явно дешевая поделка, недостойная внимания приличного заклинателя.

Чэнь Ибай упрямо вздернул подбородок и с тихим звоном обнажил свой меч. Лезвие вспыхнуло чистым, грозным светом — куда внушительнее, чем невзрачная деревяшка соседа.

Чанмин даже не прикоснулся к рукояти. Не вынимая оружия из ножен, он лишь слегка приподнял саблю и концом деревянного чехла легонько коснулся ножен меча соперника, лежавших на столе.

Раздался едва слышный треск. Кожа и металл на ножнах Ибая покрылись паутиной трещин и мгновенно рассыпались в мелкую крошку.

Чэнь Ибай застыл. Против такой силы спорить было глупо.

Ярость на лице парня растаяла без следа, уступив место приторно-любезной улыбке. Он сменил гнев на милость столь стремительно, что сторонний наблюдатель ни за что не заметил бы этой метаморфозы.

Поспешно налив Чанмину чашку чая, Ибай заискивающе зачастил:

— Брат Сэ, ну какие между нами могут быть ссоры? Разумеется, никаких! А если я и сболтнул лишнего, то лишь по собственной глупости. Прости дурака!

Осознав бесперспективность бунта, он тут же перешел к демонстративному раскаянию:

— Ты у нас человек серьезный, молчаливый, весь в совершенствовании Дао. К тому же нам не повезло оказаться под началом господина Сюя. Он ведь ленив до невозможности и совершенно не следит за делами, так что о местных порядках тебе наверняка никто не рассказал. А я вот поспрашивал старших товарищей и разузнал кое-что интересное. Давай поделюсь?

Чанмин почувствовал, как чужое внимание, до этого сверлившее их сквозь тонкую бумагу оконного переплета, рассеялось. Должно быть, господин Сюй ушел. И ушел, судя по всему, изрядно уязвленный болтовней подопечного. Каково это — превозмогая недуги, приглядывать за сопляками, лишь для того, чтобы послушаться о себе гадостей?

Раз уж Чанмин обозначил границы силы, дальше разыгрывать вежливость смысла не было. Он сухо кивнул соседу, предлагая продолжить.

Обучение в академии Лулинь было бесплатным, да и за проживание денег не требовали. Вот только для полноценного совершенствования одной лишь теории мало: любому заклинателю необходимы чистые духовные камни, эликсиры, оружие и свитки с техниками. Наследникам великих кланов все это доставляли прямиком из дома по первому требованию. Но как быть бедным бродячим практикам, застрявшим в стенах академии?

Администрация решила этот вопрос оригинально, создав обширные угодья вроде Сада духовных растений и Обители духовных зверей. Учеников распределяли туда на работу, а в конце месяца выплачивали жалованье.

Для барчуков из знатных семей это было забавным развлечением, для бедняков же — единственным способом выжить.

Чанмин, впрочем, в деньгах не нуждался. За три года странствий он ухитрился прибрать к

рукам целую духовную жилу и отыскать несколько благодатных мест для уединенной медитации.

Он слегка нахмурился:

— А отказаться от этой повинности можно?

— И не думай, — покачал головой Ибай. — Чтобы изнеженные отпрыски кланов не помыкали бедными практиками, руководство ввело железное правило: трудятся все без исключения. Отлыниваешь или работаешь спустя рукава — мигом оставят на второй год.

Чанмин промолчал, помрачнев.

Чэнь Ибай прикрыл лицо потрепанным свитком и тихонько захихикал. Стоило соседу расстроиться, как на душе у него потеплело.

Однако Чанмин лишь слегка придвинул саблю к краю стола. Ибай мгновенно прикусил язык и торопливо выпалил:

— Но! Если брат Сэ действительно не желает марать руки, мы можем договориться. За тройную... нет, за двойную плату духовными камнями я, так и быть, возьму твою долю работы на себя. Исключительно из уважения к добрососедским отношениям!

Чанмин усмехнулся одними уголками губ. Этот пройдоха ни капли не изменился за три года.

Тогда, в Школе Десяти Тысяч Дхарм, их, еще не проверенных на скрытые таланты детей, держали в простом бараке под присмотром рядовых адептов. Когда Чанмину понадобилось уйти по делам, у ворот его перехватил именно Ибай. На все расспросы Чанмин, разумеется, выдал наспех придуманную ложь. Тот послушно выслушал байку, но выпускать мальчишку за ворота не спешил.

И когда Чанмин уже примеривался, куда бы получше ударить стражника, чтобы вырубить того без шума, Ибай вдруг посторонился, буркнув на прощание: «Ладно, иди. Но запомни: когда тебя официально примут в орден и выдадут первое пособие, не забудь уважить старшего брата за доброту».

Чанмин до сих пор не знал, заметил ли тогда Ибай что-то подозрительное. Если да, то самым разумным шагом сейчас было бы стереть бедолаге память. Вот только техники ментального вмешательства безвозвратно калечили духовные каналы, а специальные снадобья выжигали разум. Для любого заклинателя потеря способностей к культивации страшнее смерти, и Чанмин не желал калечить жизнь человеку ради пустых подозрений. К тому же Ибай и так умом не блистал, а после порции зелий окончательно превратился бы в пускающего слюни идиота.

Поразмыслив, он решил оставить соседа в покое. Даже если Ибай решит поделиться старыми байками, вряд ли кто-то примет всерьез бредни трусливого послушника.

Сам Чэнь Ибай даже не подозревал, что только что разминутся с участью остаться калекой до конца дней.

Завершив переговоры на столь мирной ноте, Чанмин убрал саблю, а Ибай поспешно спрятал меч, подхватил узлы и скрылся в своей спальне, плотно заперев за собой дверь.

Чанмин перевел взгляд на окно. За рамой сгустился глухой, непроглядный мрак — ночь полностью вступила в свои права.

Зажженная свеча слабо разогнала темноту комнаты. Чанмин поправил фитиль, разгладил на столе лист желтой талисманной бумаги и принялся быстро писать. Закончив, он ловкими движениями сложил из листа журавлика и слегка подул на него. Бумажная птица вздрогнула, зашевелилась и послушно расправила крылья.

Отворив створку окна, Чанмин выпустил слепого журавлика наружу. Бумажный вестник скользнул сквозь крону старой сливы, миновал лазурную черепицу крыши и бесшумно растворился в ночной синеве, устремившись в неведомую даль.

На его бумажном брюшке было начертано всего одно имя:

«Шэн Лююй».

<http://bllate.org/book/18249/1750583>